

Me à ravis pep den, certê dré va quenet,
Dré va tal aliou loar, va diou geus goularet
Dré va corfà so drant, galant epep andret,
Charmi'r maro deiz ha nos, ameus me proposet

Я соблазняю всех мужчин, конечно, моей красотой,
Моим челом лунного цвета, моими коралловыми губами,
Моим веселым телом, ко всем благосклонным,
Я собираюсь соблазнять смерть днем и ночью.

О том, что фигура Анку не заимствована из французской традиции, может свидетельствовать также и то, что этот персонаж с тем же именем встречается в корнских и валлийских пьесах [Le Menn, 1983, p. 32—33].

Предположительно средневековый Анку унаследовал черты персонажа, связанного с дохристианским культом смерти. Образ Анку не был вытеснен христианством, напротив, он органично вписался в церковную идеологию. Политика церкви, нацеленная на то, чтобы страх смерти и адских мучений держал христиан в повиновении, по-видимому, сплелась с народными представлениями о смерти и не разрушила их, тем более что для объяснения прихожанам таких абстрактных явлений, как грех, добродетель и т. п., священникам приходилось прибегать к аллегориям, изображать отвлеченные понятия в виде неких легко узнаваемых персонажей¹. Анку, уже знакомый прихожанам, как нельзя лучше подходил для этой цели, и, таким образом, стал частью новой веры.

Следует подчеркнуть специфический характер фигуры Анку. Она не тождественна образу смерти, который встречается во многих других европейских фольклорных традициях. Границы этого образа и связь его с самим явлением смерти несколько размыты и спорны, несмотря на особое внимание к нему со стороны собирателей фольклора и исследователей. Некоторая неясность и неоднородность описаний этой любопытной во

¹ Довольно часто скульптурные изображения подобных персонажей располагались в церквях и служили наглядными пособиями для верующих. Так, например, в церкви города Батц-Сюр-Мер (Batz-sur-mer) семь смертных грехов изображены в виде семи диких зверей. Скульптурные изображения Анку в бретонских церквях встречаются весьма часто.